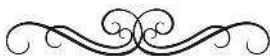

СЕРИЯ «ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ»

- Наталья Жильцова,
Азалия Еремеева
«Академия магического права.
Брюнетка в законе»
«Академия магического права.
Брюнетка в защите»
«Академия магического права.
Брюнетка в осаде»
«Академия магического права.
Брюнетка в бою»
- Ли́ка Ве́рх
«Факультет ведьм. Как достать
ректора»
«Академия темных.
Игра на выживание»
- МАРГАРИТА ГРИШАЕВА
«Высшая правовая
магическая академия.
Оперативные будни»
«Высшая правовая
магическая академия.
Работа под прикрытием»
- КАТЕРИНА ПОЛЯНСКАЯ
«Дрянная девчонка в Академии»
- КАРИНА ДЕМИНА
«Внучка берендеева
в чародейской академии»
«Внучка берендеева.
Второй семестр»
- Бронислава Вонсович,
Тина Лукьянова
«Я ненавижу магические академии»
«Меня любят в Магической
академии»
- ВАРЯ МЕДНАЯ
«Принцесса в академии»
«Принцесса в академии.
Драконий клуб»
«Принцесса в академии. Суженый»
ЕЛЕНА ПОМАЗУЕВА
«Академия королевских чародеев»
- МАРИНА АНДРЕЕВА
«Факультет менталистики»
- Ольга Пашнина
«Институт техномагии.
Шестеренки ведьминой любви»
«Школа странников»
- Ирмата Арьяр
«Академия Тьмы и Теней.
Телохранительница
Его Темнейшества»
- Бронислава Вонсович
«Туранская магическая академия.
Скелеты в королевских шкафах»
- НАДЕЖДА МАМАЕВА,
РИНА ГИППИУС
«Попаданка по обмену,
или Альма-матер не нашего мира»
- НАДЕЖДА МАМАЕВА
«Магометрия. Институт
благородных чародеек»
- НАТАЛЬЯ КОСУХИНА
«ПТУ для гоблинов. Понтийский
тактический университет»
- ВАЛЕРИЯ ТИШАКОВА
«Академия магии
Южного королевства.
Избранным вход запрещен!»
- МАРИНА СНЕЖНАЯ
«Мой демонический босс.
Академия тайных знаний»
- НАСТЯ ЛЮБИМКА
«Алая печать.
Академия Сиятельных»
- АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА
«Академия высокого искусства.
Адептка»
- ВИКТОРИЯ СВОБОДИНА
«Лучшая академия магии. Попала
по собственному желанию»

КАРИНА ДЕМИНА

Внучка Берендеева.
Второй семестр

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Д30 Демина, Карина. Внучка берендеева. Второй семестр : [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Волшебная академия).

ISBN 978-5-17-099441-0

Тяжело в бою было, но и в ученье нелегко приходится Зославе. Не так проста наука магическая, как то ей прежде мнилось. Да и дела сердечные запутались, что пряжа у дурной рукодельницы. Поди-ка разберись, сердцем выбирать, головою или политическими соображениями. А еще неведомый лиходея в Академии объявился, студентов извести пытается, то зелья отравит, то ловушку на тропе поставит. И поди-ка пойми, царевичи ему надобны или внучка берендеева, не в свои дела нос любопытный сунувшая?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099441-0

© К. Демина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА 1

О ВЕЩАХ ЗЛОВЕЩИХ И ОБРЯДАХ ТАЙНЫХ

Катилась зимняя гроза по полю.

Малевала в белой круговерти лицо за лицом. Поднимала с земли снежные фигуры. И каждая виделась живою, плотной, настоящей.

Шли мертвецы.

Цеплялись друг за друга тонкими руками, вязали хороводы. И разевались рты, заходились немым криком. В пустых глазах горел подаренный бурей огонь.

Но что было до того человеку, стоявшему посреди поля?

Он не боялся ни грозы, ни рожденных ею призраков, смело заглядывая в лицо каждому. И те, теряя былой гнев, отступали, рассыпались колючей крупью, сроднялись с обыкновенными сугробами.

Блеснула молния.

Зазвенело небо сухим громом, будто кто по тазу ударил. И в воцарившейся следом тишине стало слышно хриплое натужное дыхание человека.

Он еще помнил, что люди дышат.

И, приложив ладонь к груди, убедился, что вновь подаренное сердце бьется. Человеку было удивительно слышать этот стук, но не чувствовать ни сердца, ни тепла. Он зачерпнул горсть колючего снега и потер лицо.

— Не стой на ветру, сынок. — В отличие от человека, женщина мерзла. Она куталась в меха, однако драгоценные соболя не способны были защитить ее от дыхания зимы.

— Я не чувствую. — Человек стяхнул с ладоней снег. — Ничего не чувствую... с каждым разом все хуже. Отпусти меня!

На эту просьбу небо отозвалось венцом из молний.

— Нет.

Женщина шла медленно, проваливаясь в рыхлый снег, и мертвецы расступались в страхе перед мертвой ее силой. Человек и тот отшатнулся, когда протянула она к нему белую руку. Холодные пальцы скользнули по щеке.

— Ты совсем замерз, мой мальчик, — с печалью произнесла женщина.

— Я умер.

— Нет, — она покачала головой, и на щеках блеснули не то слезы, не то истаявшие снежинки. — Конечно же нет... что за глупости ты говоришь... мертвецы...

Он схватил ее за руку, сжал, стянул расшитую бисером рукавицу и прижал к груди.

— Я давно уже умер, мама...

— У мертвецов нет сердца.

— У живых зачастую тоже, — он произнес это с печальной улыбкой. — Их стало больше... посмотри... я смутно помню ее... как ее звали?

Из снежного хораода шагнула девица, даже мертвая, слепленная магией и бурей, она была красива.

— Гордана... Гордана Неждановна... — Женщина щелкнула пальцами, и белая фигура рассыпалась, только ветер завыл горестно.

— Я ее любил?

— Нет. Она не стояла любви... просто глупая девка... одна из многих. Сколько их таких еще будет?

— Это ты мне скажи, матушка, сколько? — Он смотрел на хораод, пытаясь вспомнить, где и когда видел ту или иную девицу... а мужчину? Вот того, с лицом, перекроенным шрамом. Такое не забудешь. Ему мнилось, что не забудешь, ан нет, память была чиста.

Пуста.

Заснежена.

И та, которая подарила ему жизнь, а с нею и забвение, не спешила помогать. Она гладила лицо, а он почти не ощущал прикосновений.

— Хватит, матушка... я больше так не хочу... заемная жизнь... мы оба знаем, что долго она не продлится. — Он перехватил ее ладонь, упоительно горячую, и прижался к ней губами. — Смирись. Отпусти. И живи дальше...

— Без тебя?

Она не желала. Она тоже слушала бурю, но в голосе ветра чудилась ей отнюдь не скорбь, скорее уж торжественная медь труб

и грохот барабанов. Тяжкая поступь войска, готового повиноваться ее слову...

... не ее, но того, кто рожден был повелевать, пусть право это отобрали вместе с жизнью. Мнилось им, тем, кто решал и решил за обоих, что могут они творить зло, что никто не узнает правды, что...

... стерпели небеса.

... смолчала земля.

... и Божиня, коию мнили милосердной, глуха осталась к слезам матери.

Приговорили.

Но уцелела. Чудом ли? Чужим ли милосердием, сброшенным, что затасканная дрянная шубейка с барского плеча? Волею ли Темной сестры, к которой воззвала отчаявшаяся душа?

Женщина не знала.

Она помнила, как очнулась.

... перевернутые сани.

... хрипящую лошадь, из горла которой торчала оперенная стрела.

... мертвых людей... одной девке голову снесли да шутки ради на кол насадили. Другая лежала, раскинувши руки. И женщина помнила что задранный подол, что белые бесстыдные ноги, что лицо, прикрытое тряпицей. Третья... четвертая... она ходила от тела к телу, останавливаясь у каждого, не испытывая ни отвращения, ни страха, лишь запоминая все.

... изломанного старика, поставленного стеречь ларь с деньгами. Ему размозжили голову, а руки переломали, и видно, что помирал старик долго. А старуха ключница и того дольше. Чем она досадила разбойникам?

Сперва ей думалось, что виноваты лихие люди, а после пришло понимание: среди мертвецов нет ни одного охранника. А ведь они, верные, как мнилось, обязаны были полечь первым заслоном.

Заслонить от стрел.

От копий.

А они... мальчишка молоденький лежал, зажимая немеющими пальцами дыру в животе. Он был еще жив, и жизнь, которая едва теплилась в его глазах, завораживала. Женщина склонилась к самому лицу. Она с непонятным ей самой наслаждением вдохнула запах крови и плоти, того, что прежде полагала грязным, а после сунула унизанные перстнями пальцы в дыру.

— Где? — спросила она, и собственный голос показался чужим, глухим, что воронье карканье.

Мальчишка закричал.

Ему было больно, но ее радовала эта боль. Она наполняла остывшее сердце силой, и когда то толкнулось в груди, застучало вновь, женщина вытащила руку.

— Где, — она знала, что в ее воле и власти было продлить мучения несчастного, как и отпустить его светлой дорогой. И он, кажется, понял.

— Т-там... — он с трудом вытянул руку. — Я... я п-пытался... я клятву... я...

Она слизнула каплю крови.

И подарила смерть.

Не из милосердия. Ей нужна была эта жизнь.

Подобрав полы собольей шубы, она пошла. Она шла долго и проваливалась в сугробы, но не ощущала ни досады, ни гнева, как не ощущала холода и боли. Она знала, что была мертва, что умирала мучительно: клинок пробил и шубу, и драгоценные ткани, и шелка spodних рубах, не говоря уже о белой холеной коже. Его провернули в ране, расширяя и выпуская черную кровь. А после вытащили.

Почему не добились?

Могли бы и голову отсечь... но нет... хотели, чтобы мучилась? Или приказ был таков? Плата за ее упрямство, за своеволие, за нежелание подчиниться высочайшей воле...

Наказание.

Умирать и слышать, как заходятся криком дворовые девки.

Как хрипят.

Воют.

Стенают... и осознать, что это она виновата, что смиришься, и все иначе бы повернулось. Но нет, застила глаза ей гордость боярская. Так платой за нее отныне — жизнь. И ладно бы ее, своей ей не было бы жаль. Сама б подняла чашу на пиру свадебном. Сама бы слово сказала, желая молодым долгих лет. Сама бы и выпила до дна, с кислым вином, с горьким ядом, слезою приправленным. А после бы ушла тихо, как уходили иные, те, которые до нее были...

... но нет.

... не за себя она боялась. За сыночка...

Лежал под елочкой, на снегу и голенький почти. Мальчик ее сладкий, кудри сахарные кровью склеились, глаза бирюзовые в небо глядят. Улыбался... точно знала — улыбался. И значит, быстро умер. Милосердно. Конечно, за что на него, дитя сущее, гневаться? Вот и подарена ему была милостью царской легкая смерть.

Она упала на колени.

Закрыла глаза.

Завыла.

Горестно, что волчица... глухо... и тогда-то вернулась боль, а с нею — и сердце, стучавшее мерно, что механизмус, вновь ожило по-настоящему.

...удалось.

...нет, нельзя сказать, что была она беспамятна и не ведала, что творила.

Ведала.

Когда руками копала могилку в снегу, обламывая ногти о мерзлую землю.

Когда укладывала на дно колючие еловые лапы.

И на них — своего мальчика, в шубу завернутого. Когда засыпала его рыхлым снегом... когда выволакивала камни, окружая могилу. Шептала слова из книги проклятой, которая, о диво, при ней осталась. Не знали? В царских хоробах много сокровищ, которые никто-то сокровищами не считает. И эта книжица... случайно попала под руку, выпорхнула, сыпанула пылью на руки. Раздразнила любопытство.

Нет, тогда-то она и не думала воспользоваться.

Увезти хотела.

Чтоб не попала эта книжица в чужие руки, чтоб не причинила зла... спрятать.

Изучить.

А вот час пришел, и крови пролитой хватило. Чем не жертва? И не ею принесена. Осознав это, она рассмеялась.

Уже позже, окончательно решившись, она шла, брела, не разбирая дороги... и добрела до деревеньки...

...ее не ждали.

...встретили брехливые собаки. Глупые создания, в которых жизни было — капля. И эта капля не насытила, как и толстый мужик с оглоблей, вздумавший заступить ей дорогу.

Она срывала чужие жизни, что ромашки для венка, боясь лишь одного — что слишком мало их...

...несла.

...бежала босиком по колючему снегу, несла его, сплетенный древним знанием. Задыхалась от боли. И надежды. И страха, что надежды этой — недостаточно...

...лила молитву земле.

И собранную силу в посиневшие губы своего мальчика. Звала. Клялась. Кляла и обвиняла. Рыдала, позабывши и о гордости, и о мести, желая лишь одного — чтобы ожил.

Исполнилось.

... тогда это было сродни чуду. Дрогнули заиндедеввшие веки, и снежинка сорвалась со светлых с рыжиною ресничек.

— Мама... мне так холодно, — сказал ее мальчик, протягивая руки. — Mamочка... почему мне так холодно?

— Ничего. — Она обняла, прижимая к груди того, кто был ее жизнью и надеждой. — Скоро я тебя согрею...

Знала ли она, чем обернется?

А если бы знала... нет, ничего б не изменилось.

Жизнь за жизнь?

Пускай.

Если ему, тому, кто был проклят, позволена такая плата, то и ее мальчик ничем не хуже.

— Ничего, — повторила она, обнимая сына.

Вырос. И только Морана знает, чего стоил ей каждый его год... посильная плата. Она не жаловалась. Она приспособилась. И хоронить. И воскрешать. И утешать.

Уговаривать.

Избавлять от лишней боли, ведь он, ее мальчик, так хрупок. К чему ему лишняя память? Лишние мучения? Она оставит все себе, ибо такова доля матери.

— Отпусти, — взмолился он, склоняя голову к ее плечу. — Если любишь...

Конечно, любит. Ради любви все... и ради справедливости... ради него...

— Скоро, — пообещала она, перебирая тонкими пальцами кудри. — Скоро все закончится, мальчик мой... и ты оживешь. По-настоящему оживешь... я нашла способ.

Гроза стихала.

И мертвецы рассыпались белым крошевом.

Отступали.

— Я согрею тебя, — она набросила на плечи сына шубу, пусть в этом и не было смысла. — Поверь... пожалуйста... в последний раз поверь.

— А если не выйдет?

Он смотрел в ее глаза с такой тоской, что сердце сжалось.

— Если не выйдет, — женщина облизала обветренные губы, — тогда я позволю тебе уйти...

— Спасибо, мама...

Глупенький ее мальчик.
Такой наивный.

На другом поле кипело пламя.

Оно летело по земле, оставляя черные следы ожогов. И снег вскипал. Шипела, плевалась вода, умирая в сердце огненного вихря. А он поднимался выше и выше.

До самых небес.

И те выгибались, страшась обжечься.

Звезды горели яркие, что угли. А угли хрустели под босыми ступнями, словно лед. Пламя цеплялось за пальцы азарина. Огненными нитями собиралось в ладонях, свивалось в ручьи, а ручьи разрастались реками.

— Не стоит бояться огня, — сказал Кирей и сунул руки в огненный вихрь. — Оно твоя суть.

Арей стоял в отдалении.

Он был бос.

И простоволос.

Он глядел на огонь жадно, но не решался протянуть руку.

— Сути невозможно лишиться и остаться живым... собой. — Кирей подбросил с ладони огненную птицу. — Поэтому... ты или зажжешь огонь...

— Или?

— Или умрешь.

— Сегодня?

— А чем тебе вечер не нравится? Тихо, спокойно... небо вон какое...

Завеса пламени окрашивала звезды алым.

— Вечер неплохой... но как-то я... морально не готов пока...

— А зря. Смерть, она такая... — Кирей усмехнулся. — Ждать, пока изобразишься, не станет. Страшно?

Арей тряхнул головой и признался:

— Страшно.

— Ты свободен уйти. Держать не стану. Уговаривать тем паче.

— Но я все равно умру.

— В какой-то мере. — Глаза Кирея полыхнули алым. — Возможно, ты умрешь физически. Когда то, что в тебе осталось, погаснет. И это, поверь, далеко не худший вариант. Но...

— Но?

Арей ступил на выжженную землю.

— Если убрать суть явления, то само это явление перестанет быть собой. Понятно объясняю?

— Не слишком.

Пламя отпрянуло, но тотчас потянулось к новой игрушке. Оно, новорожденное, почти отпущенное на свободу — нить Киреевой воли была слишком тонка, чтобы обращать на нее внимание, — было любопытно. Ему хотелось поскорей добраться до того, кто либо смел, либо глуп, либо и то, и другое разом.

Вспыхнет ли эта игрушка бьельем?

Или же будет тлеть медленно и долго?

Рассыплется ли пеплом на куски? Обернется ли драгоценным камнем, из тех, что рождались в недрах гор? Пламя помнило камни. И горы, в которых спало. Как помнило себя в сотнях и тысячах иных обличий. В нем нашлось бы место еще одному.

— Ты есть огонь. Тело — это лишь оболочка. Вот, смотри, — Кирей развел руки и вспыхнул. Он горел, не сторя, и тем нравился пламени.

Оно даже готово было подчиниться ему.

Ненадолго.

Это ведь тоже своего рода игра: кто кем управляет?

— Не бойся потерять оболочку. Не держись за нее. Иначе или лишишься, или останешься только с нею. А уж чем она заполнится, когда погаснет последняя искра... прежде чем сделать шаг, подумай хорошенько.

— О чем?

— Страх помешает.

— И поэтому ты меня пугаешь? — Арей протянул раскрытую ладонь к огню, приветствуя древнюю силу. Возможно, древнейшую из всех.

Боги?

Пламя существовало задолго до богов.

Оно могло бы рассказать о сотворении мира. И о самом этом мире, сухом и безжизненном, отданном всецело во власть огня...

... Арей слышал песню.

... о рождении мира.

... о великой пустоте, которая исторгла сгусток огня.

... о жидких камнях, о пламенных океанах, о том, из чего родились и земля, и воздух, и воды...

— Я просто хочу, чтобы ты отнесся к вопросу серьезно.

— Куда уж серьезней.

Огонь тянулся. Он обещал боль, много боли, но разве не она сопутствует любому рождению? Кем Арей хочет стать? Ветром?

Прахом? Льдистым камнем, который так ценят люди? Горой ли?
Пламя исполнит его желание.

Оно извечно.

Исконно.

— Собой. — Арей шагнул в раскрытые объятия вихря. —
Я хочу стать собой.

Рой огненной мошкары впился в лицо, заставляя стиснуть
зубы.

Пламя не обмануло.

Было больно.

Было...

...страшно.

Когда тело его, пусть и оболочка — теперь Арей видел, что
именно оболочка оно и есть, пустая и никчемная, изношенная
довольно, вряд ли способная выдержать силу истинной искры, —
распадалось. Он чувствовал, как стораеет кожа.

Плавятся волосы.

Вдыхал смрад горящих костей.

И жил.

Несмотря ни на что, жил.

Он слышал теперь песню огненных струн, и видел, как тянутся
они в землю, сквозь землю, к самому ядру ее, где становятся ча-
стью огненных же рек. Он в какой-то миг получил право слышать
голос каждой.

Выбирать.

Пламя не лгало.

Никогда.

Он и вправду мог бы стать им, предвечным огнем, запертым
в базальтовых глубинах безымянных гор. Гневливым и ярым, не-
сущим свою ярость наверх, сквозь щиты и трещины в этих щи-
тах. Он бы выплеснулся потоками лавы сквозь узкие горловины
спящих вулканов.

Стал бы камнем.

Пеплом.

Мертвой птицей, рассыпавшейся в полете.

Он стал бы алмазом.

Рубином.

Змеем морским желтоглазым, хранящим кладку крупных яиц,
в каждом из которых дремала искра.

Он стал бы...

...собой.

Арей силой воли велел себе отпустить струны. Отступить.
Вернуться.

Он был пламенем?

Пускай.

Это верно. Все азары пошли от одной искры, но если так, то искра эта горит в его крови. Она не может погаснуть. Истина? Пламя молчало. Оно готово было принять Арея. А вот он... хватит ли у него самого сил сотворить себя? Если он уверен, пусть попробует. Человек — это ведь просто, куда проще вулкана или змея.

Камня.

Птицы.

Человек — это только звучит гордо, а на самом деле что он такое? Слабое никчемное создание. Неужели Арея вновь хочется стать таким? Он ведь свободен сейчас. А не ему ли знать, сколь дорога свобода.

Абсолютная.

— Нет, — это слово было рождено из огня и огню же стало ответом. — Нет... я... Есть. Существою. Я...

Он снова чувствовал жесткую спаленную корку ее под ногами. И сами ноги, обожженные, сожженные почти, но способные удерживать никчемное слабое тело.

Это тело горело, но если не сгорело окончательно, значит, оставался шанс.

Все просто. Надо лишь вобрать в себя пламя. Все, до последней искры. До капли. До крошки. До...

... он пил и не способен был утолить эту жажду.

... он впитывал огонь, страшась, что того не хватит, чтобы затянуть все прорехи в теле.

... он был.

И стал.

И устоял. И даже сумел сделать шаг, прежде чем рухнуть на разодранную ожогами землю.

— Надо же, живой, — едва ли не с восторгом произнес Кирей. Он присел на корточки и руку протянул.

— И не надейся.

Арей прислушался к себе.

Сила была.

Прежняя? Нет. Иная... чистая? Живая? Та, которой он лишился, только теперь Арей понял, сколь самонадеянно он полагал ее истинною. Человеческая кровь разбавила ее, извратила, но теперь пламя вернулось.

— Вставай уже, племянничек, — Кирей не позволил додумать. — Потом поклоны бить станешь.

— Не дождешься, дядюшка.

Но руку протянутую Арей отвергать не стал. Все ж гордость и глупость — суть разные вещи. И пусть пламя кипело внутри, однако же физических сил у него не хватит и на то, чтобы до края поля доползти. А за краем тропинка начиналась, сквозь лесок, через овраг...

Нет, сам он не доберется.

— И вот еще что, племянничек. — Кирей помог подняться. И подумалось, что ожоги он способен залечить столь же легко, да не станет. И не оттого, что презирает слабого родича, мало того, что рабом рожденного, полукровку, так еще и силы лишившегося.

Нет.

Теперь, странное дело, Арей лучше понимал того, кто глядел на него сверху вниз, с насмешкою и вызовом.

Сам должен справиться.

В этом суть.

С огнем ли. С ожогами. С... прочим. Если сумеет — честь Арею и хвала. А нет, то хотя бы похоронят свободным человеком.

— Что, дядюшка, — в тон отозвался Арей.

Спекшиеся мышцы не слушались. И хорошо бы никого не встретить по пути, а то ж сочинят... придумают, перевернут...

...и донесут куда надобно, и куда не следует вовсе.

— Огонь — стихия непростая. — Кирей шел медленно.

А ведь и ночь он выбрал непростую.

И место неслучайное.

И значит, не будет встреч и свидетелей. Хорошо...

— Взять ты силу взял, но это полдела, если не треть. Попробуй теперь удержать. Приручить...

Огонь загудел, соглашаясь, что он, конечно, готов терпеть слабую телесную оболочку, в которую его заточили — или наивно полагали, будто заточили, — но до поры до времени. Эту клетку ничего не стоит разрушить.

— И если позволишь совет...

— А не позволю?

Кирей плечами пожал: мол, мое дело сказать, а твое — думать, надо ли тебе сказанное.

— Держи себя в руках.

Пламя свернулось в животе, теперь Арей ощущал его огромным змеем с огненной шкурой. О таком мама сказки рассказывала. О чешуе золотой, о следах самоцветных, о логове под